

В.В.ПОПОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР В СССР: ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ СОМНЕНИЙ К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕШЕНИЯМ

В статье рассматривается генезис деятельности Спорткомитета СССР в его борьбе за право проведения Олимпийских игр в стране, а также за получение позитивных решений от государственных и партийных органов на проведение этих крупных международных спортивных мероприятий.

Ключевые слова: Олимпиада, Спорткомитет СССР, МОК (Международный олимпийский комитет), символ Олимпийского движения, перспектива проведения Олимпиады, национальные олимпийские комитеты, страна-организатор Олимпийских игр.

Руководители государственных органов управления СССР, КПСС и других общественных организаций СССР, ознакомившись внимательно со всеми документами, связанными с проведением Олимпийских игр, осознали крайне неприятный факт, согласно которому страна, организовавшая Игры, принимала на себя обязательство приглашать на Олимпиаду все государства, являющиеся членами МОК, вне зависимости от того, поддерживает ли она с ними дипломатические отношения.

У СССР хватало стран, с которыми он по политическим соображениям не имел никаких официальных контактов. Но если в отношении некоторых из них Москва действительно придерживалась принципа «спорт вне политики» и разрешала своим спортсменам в отдельных случаях участвовать в совместных с представителями этих государств соревнованиях, то применительно к ряду стран любые контакты рассматривались едва ли не как преступление.

Если СССР отказывался от встречи со спортсменами таких стран даже за границей или вообще бойкотировал соревнования с их участием, то о каком приглашении их в Москву могла идти речь?

А ведь на Олимпиаду вместе с иностранными спортсменами и тренерами должен был прибыть большой десант болельщиков и представителей западной прессы, которым нужны были не заученные ответы на заранее напи-

санные вопросы, а свободное общение с советскими гражданами.

Все это заставило советское руководство пересмотреть свои оптимистические прогнозы о скорейшей организации Олимпийских игр в Москве. Спорткомитет направил в ЦК КПСС очередную записку, в которой сообщалось о «возникновении новых вопросов, связанных с организацией игр», в связи с чем, у спортивного руководства возникла необходимость «все изучить дополнительно и внести новые предложения» [1].

В Секретариате ЦК согласились отложить решение вопроса, и на какое-то время олимпийская тема исчезла со страниц партийных документов.

В 1958 г., когда на исполкоме МОК должна была окончательно определиться столица Игр 1964 г., в ЦК КПСС вспомнили о предложении Спорткомитета и решили рассмотреть его еще раз.

Однако на сей раз уже и в самом спортивном ведомстве не очень отстаивали свою идею провести через 6 лет Игры в Москве. И партийные, и спортивные чиновники хорошо понимали, что за прошедшие 2 года ни в стране, ни в мире не произошло столь кардинальных изменений, которые ликвидировали бы или уменьшили те проблемы, о которых говорилось в 1956 г. Поэтому на заседании созданной в ЦК КПСС Комиссии по вопросам идеологии, культу-

ры и международных партийных связей решение данного вопроса вновь было отложено.

Это автоматически означало, что СССР отказывается от подачи заявки в МОК на проведение Игр 1964 г.

В декабре 1958 г. Секретариат ЦК принял окончательное решение о нецелесообразности направлять в Международный олимпийский комитет обращение о проведении в Москве XVIII летних Олимпийских игр 1964 г. [7]

Тем не менее, доводы, приводившиеся Спорткомитетом в поддержку своего предложения, продолжали находить отклик в сердцах партийных лидеров.

Идея проведения Олимпиады в Советском Союзе сулила большую политическую выгоду, которая, будучи подкрепленной спортивным успехом советских олимпийцев, сделала бы образ СССР, несколько потускневший после антисталинских разоблачений Хрущева, гораздо более привлекательным.

Олимпийский проект органично вписывался в масштабные советские планы («догнать и перегнать США», «послать первого человека в космос», «в ближайшие 20 лет построить основы коммунистического общества», и т.д.) и должен был доказать всему миру первенство СССР не только «в области балета» и строительства ракет.

Поэтому если раньше олимпийская идея носила в значительной степени абстрактный характер, а предложения по ее реализации не всегда соответствовали реальной действительности, то теперь, отказавшись от участия в борьбе за Олимпиаду 1964 г., в Москве всерьез нацелились на организацию следующих Игр.

Первым шагом на этом пути стал подход советского руководства к решению вопроса о столице Олимпийских игр 1964 г. Претендентов на право называться хозяином этой Олимпиады было четверо: Брюссель (Бельгия), Вена (Австрия), Детройт (США) и Токио (Япония).

Именно на последний город и сделали ставку в СССР, рассчитывая, что это «вызовет положительную реакцию и определенные симпатии к Советскому Союзу у спортсменов и спортивных деятелей стран Азии и Африки».

В СССР с пафосом заявляли, что «символ Олимпийского движения — пять переплетенных колец, олицетворяющих дружбу спортсменов

пяти материков, и моральное право на организацию XVIII Олимпиады имеют, бесспорно, страны Азии и Африки, где игры еще не проводились» [8].

Столь ярко продемонстрированное стремление Москвы соблюдать справедливость в олимпийском движении имело и закамуфлированную подоплеку. Помимо привлечения на свою сторону симпатий представителей стран Азии и Африки, СССР рассчитывал использовать избрание Токио в качестве подготовительного плацдарма для собственной заявки на следующие Игры.

В Москве правильно подметили одну тенденцию: после того как в 1948 и 1952 гг. Игры прошли в Европе (Лондоне и Хельсинки), Международный олимпийский комитет старался больше не проводить Олимпиады подряд на одном и том же континенте. Поэтому после римских Игр 1960 г. логичным было предложить в 1964 г. азиатскую столицу, а в 1968 г. вернуться в Европу, имея в виду Москву.

Расчет был безупречным, но вполне правильным и свидетельствовал о далеко идущих советских планах. Об этих замыслах советского руководства можно было судить и по тексту проекта «Заявления Олимпийского комитета СССР по вопросу о месте проведения Олимпийских игр 1964 года», подготовленного для публикации в советской печати в мае 1959 г., накануне сессии МОК.

В нем, в частности, имелся следующий абзац:

«В кругах советской общественности также обсуждался вопрос об организации этих соревнований в Москве. Столица нашей Родины имеет, бесспорно, все возможности проводить Олимпийские игры с любым количеством участников, большой опыт в организации международных соревнований и, наконец, искреннее дружелюбие советских людей, — все это позволило бы с большим размахом организовать Олимпийские игры у нас. Однако, уважая складывающиеся в олимпийском движении традиции, соответствующие компетентные советские организации не сочли возможным претендовать на проведение игр 1964 г. в Москве, чтобы не лишать этого права неевропейских городов. Олимпийский комитет СССР полагает, что одни из последующих Олимпийских игр, например

игры 1968 года могут быть организованы в Советском Союзе» [20].

В ЦК ознакомились с проектом Заявления и одобрили его весь, кроме последнего предложения. Руководители страны объяснили, что «делать сейчас такое заявление мы считаем преждевременным» [20].

Таким образом, ни советская, ни мировая общественность о планах СССР в отношении Игр 1968 г. ничего не узнала. Вместе с тем, отказ от широкого обнародования советских олимпийских замыслов на 1968 г. вовсе не означал, что в Кремле отказались от этой идеи.

Редактируя заявление Олимпийского комитета СССР, в ЦК КПСС в принципе были согласны с позицией Спорткомитета, отмечая, что «проведение игр 1960 г. в Риме и игр 1964 г. в каком-либо европейском городе исключает возможность положительного решения вопроса о Москве как месте проведения Олимпиады 1968 г.».

Однако советские планы на Олимпиаду-68 так и остались в виде нереализованных проектов. Уже в конце 1962 г. в ЦК КПСС посчитали, что в условиях резко усилившейся за последнее время международной напряженности, обострения противоречий не только между капиталистическими и социалистическими странами, но и в рамках самой социалистической системы, провозглашение Москвой лозунга «Все флаги в гости к нам!» будет вряд ли уместным.

Свою силу сохраняли и все политические мотивы, вставшие 4 года назад непреодолимой преградой на пути приглашения Олимпиады в Москву. Правда, категорического отказа от подачи заявки в МОК со Старой площади пока не последовало, и Спорткомитет посчитал возможным вновь озвучить перед партийными лидерами идею проведения Олимпийских игр 1968 г. в Советском Союзе.

В марте 1963 г. из спортивного ведомства в ЦК КПСС поступил комплект документов, содержащий подробное обоснование необходимости проведения Олимпиады в СССР, смету расходов, связанных с проведением Игр, проекты постановлений ЦК и писем-обращений в МОК и международные федерации спорта.

Казалось, в Спорткомитете предусмотрели все, включая решение наиболее «щекотливых» политических проблем. Однако еще до заседания Секретариата ЦК КПСС судьба этого вопроса

была фактически предрешена. Не слишком интересовавшийся спортивными мероприятиями Н.С.Хрущев высказал недоумение: зачем тратить столько сил и средств на организацию каких-то соревнований, когда перед страной стоят более важные и сложные задачи?

Неудивительно, что после этого в записке отдела пропаганды, подготовленной к заседанию Секретариата ЦК, от доводов Спорткомитета не осталось камня на камне.

Прежде всего, в ЦК были возмущены «аполитичностью» спортивного руководства, предложившего пригласить на Олимпиаду Тайвань (как члена МОК) и не приглашать КНР, вышедшую из рядов этой организации.

Стремительно усиливавшиеся советско-китайские разногласия, по мнению советских лидеров, вовсе не давали повод для того, чтобы СССР изменил свою принципиальную позицию по тайваньскому вопросу.

Если учесть, что незадолго до этого МОК временно отказал в признании национальному олимпийскому комитету Индонезии, то на Олимпиаду в Москву могли не приехать две крупнейшие азиатские страны, что, по мнению аппарата ЦК КПСС, было недопустимо.

Под сомнение была поставлена и предложенная смета расходов: Спорткомитету напомнили, что Римская Олимпиада 1960 г. принесла ее организаторам убытки в размере 2,5 млрд. лир.

Наконец, внимание секретарей ЦК было привлечено и к срокам подачи заявки на проведение Олимпийских игр: такую заявку, справедливо отметили в отделе пропаганды, нужно подавать не за 5, а за 6 лет до Игр, и непонятно, почему Спорткомитет надеется, что МОК согласится в отношении СССР делать исключение [10].

Вне сомнения, столь резко отрицательная записка отдела пропаганды была подготовлена после предварительной консультации с высшим руководством партии. Несомненно и то, что в ее основе вновь лежало нежелание СССР затевать столь важное дело, грозящее трудно предсказуемыми политическими последствиями.

Свою роль сыграла и сложная экономическая ситуация внутри самого Советского Союза, сложившаяся в начале 1960-х гг. На фоне широко рекламируемых достижений в космосе, про-

должающегося освоения целинных земель и масштабного жилищного строительства в СССР происходили и другие, менее приятные процессы: девальвация рубля и фактическое снижение и без того крайне низкого уровня жизни советских людей, серьезный кризис в сельском хозяйстве, повлекший за собой повышение цен на основные продукты питания, закупку зерна за рубежом и т.д. В этих условиях советские лидеры посчитали недопустимой роскошью вкладывать огромные средства в проведение мирового спортивного праздника.

Поэтому все те, кто еще совсем недавно поддерживали и одобряли олимпийские планы Спорткомитета, теперь, на заседании Секретариата ЦК КПСС, столь же дружно решили «признать нецелесообразным проведение в Москве в 1968 году XIX летних Олимпийских игр» [10].

Остается только гадать, как развернулись бы события летом 1968 г., если бы Москва все-таки подала заявку и получила право на проведение этих Игр. Единственное, что можно со всей очевидностью предположить, что в этом случае в июле и августе 1968 г. (а именно это время года всегда называлось как наиболее благоприятное с точки зрения погодных условий для проведения соревнований в советской столице) странам Варшавского договора было бы совсем не до наведения порядка в «братской» Чехословакии.

В конце 1965 г., когда забрезжила перспектива проведения очередной, теперь уже XX Олимпиады, Спорткомитет, действуя по принципу «капля камень точит», в очередной раз выступил с предложением о подаче Москвой заявки на проведение Игр.

Возможность получить эту Олимпиаду возростала еще и потому, что Игры 1972 г. должны были пройти в европейской столице: вопреки многим прогнозам право организации Олимпиады-68 было отдано Мехико, что почти автоматически делало Европу местом проведения следующих Игр.

Правда, в записке руководителя Спорткомитета Ю.Д.Машина, направленной в ЦК КПСС, признавалось, что имеются нерешенные политические проблемы, связанные с сохранявшим свою силу требованием МОК к городу-организатору Олимпиады обеспечить «беспрепятственный въезд в страну всех участников и официальных лиц тех стран, олимпийские ко-

митеты которых признаны МОК, независимо от наличия дипломатических отношений между этими странами и страной-организатором Олимпийских игр» [12].

Ю.Д. Машина предупреждал ЦК КПСС, что из-за этого у Москвы, если она все же выдвинет свою кандидатуру на проведение Игр 1972 г., могут возникнуть определенные сложности. При этом руководитель Спорткомитета считал, что эти сложности будут связаны только с Китаем и Тайванем, а что касается ЮАР и Южной Родезии, то «в будущем эти страны будут лишены возможности участвовать в Олимпийских играх» [12].

Если в отношении двух государств с юга Африки, официально проводивших политику апартеида, спортивное ведомство в своем прогнозе не ошиблось, то остается загадкой, каким образом Спорткомитет рассчитывал решить вопрос с допуском в Москву представителей других стран, с которыми у СССР не было и не предвиделось никаких отношений.

«Учитывая высокий авторитет Советского Союза и советского спорта за рубежом, а также имеющийся опыт проведения в СССР крупных международных соревнований», Спорткомитет в очередной раз просил ЦК КПСС «рассмотреть вопрос о возможности проведения» Олимпийских игр в советской столице.

Как и 3 года назад, в ЦК были представлены все необходимые сопроводительные документы, включая смету расходов по организации Игр, проекты постановлений ЦК КПСС по данному вопросу, варианты писем председателя НОК СССР К.А.Андрианова президенту Международного олимпийского комитета Э.Брендэджу с заявкой на проведение Олимпиады в Москве [13].

Спорткомитет также заручился поддержкой Московского городского комитета (МГК) КПСС, Министерства иностранных дел СССР. Однако и этого оказалось недостаточно.

Как было указано в записке заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А.Н.Яковлева, «при предварительном рассмотрении в Отделах ЦК КПСС этого вопроса выяснилось, что он требует дополнительного и более детального изучения» [13].

«Детальное изучение» и проработка этого вопроса, как обычно, сильно затянулись, и до 1

января 1966 г. Советский Союз заявку на проведение Игр подать не успел.

Все разговоры о проведении Олимпийских игр в СССР вновь не вышли за пределы Садового кольца Москвы, а советским представителям в ходе выборов столицы Олимпиады-72 пришлось решать головоломную задачу: поддерживать западногерманский Мюнхен (против чего категорически выступали «друзья» из ГДР) или франкистский Мадрид, с которым Москва не поддерживала никаких контактов со времен гражданской войны в Испании.

Лишь в конце 1960-х гг. отношение советского руководства к проведению Игр в Москве резко изменилось. Если раньше от Спорткомитета с его «олимпийскими амбициями» отделялись постоянными бюрократическими отговорками, то теперь в Кремле сами проявили инициативу.

Укрепившийся во власти новый генеральный секретарь партии Л.И.Брежнев, в отличие от своего предшественника, любил спорт и еще в середине 1950-х гг. был главным сторонником проведения Олимпийских игр в Советском Союзе.

Поэтому то, чего так долго добивалось спортивное ведомство, наконец, произошло: в сентябре 1969 г. было принято постановление Секретариата ЦК КПСС, утвержденное через 2 месяца на заседании Политбюро ЦК, об официальном выдвижении кандидатуры Москвы на проведение XXI Олимпийских игр 1976 г.

В письме председателя исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся В.Ф.Промыслова на имя президента МОК Э.Брендэджа, помимо обязательных фраз о готовности Москвы сделать все необходимое для успешного проведения игр, содержалась одна фраза, которую партийные лидеры страны, очевидно, вписывали «скрепя сердце».

Речь шла о том, что «в соответствии с указанием Президиума Верховного Совета СССР, всем участникам, официальным лицам и обслуживающему персоналу делегаций, направляемых на Игры из стран, национальные олимпийские комитеты которых признаны МОК, а также представителям международных спортивных федераций, прессы, радио, телевидения и всем, имеющим отношение к организации Олимпиады, будет обеспечен беспрепятственный въезд в СССР».

В результате Москва впервые официально вошла в список городов-претендентов, боровшихся за право принять у себя очередные Олимпийские игры.

Не исключено, что на активизацию позиции СССР в вопросе проведения Олимпиады, помимо многих других факторов, повлияло и желание сохранить за собой первенство в этом вопросе в рамках социалистического лагеря.

С тех пор как СССР вступил в международное олимпийское движение, сразу же заняв в нем одно из ведущих мест, как-то само собой подразумевалось, что если Олимпиада когда-нибудь будет проведена в социалистической стране, то этой страной будет, конечно, Советский Союз.

Другие члены социалистического лагеря и не пытались опередить Москву в этом вопросе, если не считать единственной попытки Венгрии, которая в начале 1950-х гг. выдвинула кандидатуру Будапешта на проведение летней Олимпиады 1960 г.

В СССР достаточно равнодушно отнеслись к этой заявке, прекрасно понимая, что венгерской столице рассчитывать на успех в состязании с Римом, Афинами, Брюсселем, Лос-Анджелесом, Мехико, Токио, Нью-Йорком и еще восемью не менее видными претендентами на Олимпийские игры 1960 г. вряд ли реально.

В дальнейшем социалистические страны лишь следовали за «старшим советским братом», не порываясь проявить какую-либо инициативу в этой области.

Однако в конце 1960-х гг. одна такая инициатива все же была...

В сентябре 1967 г. ЦК Коммунистической партии Чехословакии обратился в ЦК КПСС с просьбой поддержать заявку чехословацкой стороны на проведение в Праге XXII Олимпийских игр 1980 года.

Как указывалось в письме секретаря ЦК КПЧ В.Коуцкого, «проведение Олимпийских игр в Чехословакии укрепило бы престиж всей социалистической системы, т.к. явилось бы доказательством того, что при социализме можно не только полностью удовлетворять основные потребности народа, но и развивать общественную, культурную и физкультурную жизнь в такой степени, которая незнакома людям ни при каком другом общественном строе» [16].

Интересно, что в Москве с пониманием отнеслись к данной просьбе. По поручению ЦК КПСС, советский посол в Праге С.В.Червоненко посетил В.Коуцкого и сообщил, что предложение КПЧ полностью поддерживается Советским Союзом, представители которого «окажут чехословацким спортивным организациям необходимую поддержку в международных спортивных организациях» [16].

Трудно сказать, насколько искренни были советские заявления и как бы развивались события в дальнейшем, но кризис 1968 года поставил жирный крест на этой затее чехословацкого руководства.

В то же время, не исключено, что именно инициатива «чешских друзей» подтолкнула Москву к более решительным действиям в плане выдвижения собственной кандидатуры на проведение Олимпиады: в СССР всегда нервно реагировали на любые, даже очень редкие попытки своих союзников опередить в чем-то «первое в мире социалистическое государство».

Разрешение Политбюро ЦК КПСС подать заявку в МОК стало отправной точкой в бурной и разнообразной деятельности, которую развернули Спорткомитет и Олимпийский комитет СССР по подготовке к Играм в Москве. Многочисленные советские делегации поехали по различным странам уговаривать их представителей поддержать советскую столицу.

Впоследствии на Западе не раз говорилось о том, что в Москве серьезно не рассчитывали получить Олимпийские игры с первой же попытки, что в 1970 г. «была своеобразная проба сил» перед выдвижением кандидатуры советской столицы на право проведения Олимпиады-80 [17].

Однако, судя по той реакции, которую вызвали в высших эшелонах советской власти результаты амстердамского голосования, с этим вряд ли можно согласиться. Раздражение советских руководителей было более чем серьезным.

Как обычно, в СССР сразу постарались найти виновников своей неудачи и первым делом обрушились на МОК, не оправдавший советских ожиданий. Недостатков в эпитетах не было: «недемократичная организация», «проявление классовой буржуазной сущности» и т.п.

В СССР вспомнили о том, что 22 члена МОК

— титулованные особы (графы, герцоги, принцы, даже короли), и предложили немедленно реорганизовать его на демократической основе.

Досталось и советским представителям в этой организации — К.А.Андрианову и А.О.Романову, которые не только «не представляли реальный расклад сил в МОК», но и проявили излишнюю доверчивость, поверив «лицемерным заверениям» Э.Брендэджа.

Был объявлен новый курс на оказание большей поддержки Генеральным Ассамблеям национальных олимпийских комитетов и международных спортивных федераций в противовес МОКУ.

Чтобы продемонстрировать свое рвение, Спорткомитет пошел еще дальше, выдвинув и вовсе революционное предложение.

Руководители спортивного ведомства в отместку буржуазным деятелям из МОК призвали укреплять единство спортивных организаций социалистических стран и рабочих спортивных союзов стран Запада, заявив о необходимости организовать очередную Спартакиаду народов СССР с участием этих рабочих союзов.

По сути, это было предложением возродить систему первых Спартакиад СССР, проводившихся с 1928 г., на которые иностранные спортсмены допускались только по классовому признаку. В ЦК КПСС, однако, скорректировали это предложение, отметив, что на Спартакиады действительно следует приглашать спортсменов из-за границы, но не ограничиваться при этом представителями рабочих спортивных союзов.

Это было не единственным уточнением. Раздражение партийной элиты, которое вызвало фиаско при голосовании по месту проведения Олимпиады-76, быстро сменилось трезвым расчетом.

В ЦК не могли не понимать, что если СССР хочет видеть Москву столицей следующей Олимпиады (а эта идея уже прочно овладела советским руководством), то надо поумерить критический настрой в отношении МОК и уж тем более не отгораживаться от международного спортивного движения какими-то искусственными барьерами.

Заведующий международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарев резко отрицательно отозвался о публикациях в ряде советских газет (инициированных, между прочим, с ведома

того же ЦК), где выдвигались бездоказательные обвинения в адрес МОК, а также открыто обсуждалась тактика борьбы, направленная на подрыв этой организации [2].

По мнению Б.Н.Пономарева, при «публикации материалов по МОК не следовало бы связывать это непосредственно с неприятием кандидатуры Москвы. Было бы правильнее делать упор не на критике состава МОК, а на политической стороне того или иного решения, противопоставляя одних его членов, заведомо враждебных в отношении СССР, другим, объективно подходящим к решению вопросов олимпийского движения» [2].

Этой линии советское руководство старалось придерживаться и в дальнейшем, твердо поставив перед собой задачу любой ценой получить Олимпиаду.

Уже 7 сентября 1971 г. Политбюро ЦК КПСС одобрило предложение Спорткомитета о новом выдвижении кандидатуры Москвы на проведение теперь уже Олимпийских игр 1980 г. и решило Исполкому Моссовета и Олимпийскому комитету СССР направить в МОК официальное заявление-приглашение [4,6].

Подача заявки за 9 (!) лет до проведения Игр, очевидно, должна была подчеркнуть серьезность намерений СССР, его готовность добиться проведения Олимпиады на советской земле.

В письмах, направленных в МОК, подчеркивалось, что Москва уже сейчас «располагает достаточным количеством спортивных сооружений для проведения Олимпийских игр», а при положительном решении вопроса о проведении Олимпиады в Москве «будет дополнительно построен ряд новых больших спортивных сооружений и комплекс зданий, в которых будут созданы все необходимые условия для размещения участников Игр, их тренировок и отдыха» [2].

Учитывая специфику взаимоотношения СССР с рядом государств, Исполком Моссовета особенно подчеркивал, что всем участникам, официальным лицам и обслуживающему персоналу делегаций из стран, олимпийские комитеты которых признаны МОК, а также представителям международных спортивных федераций и средств массовой информации, имеющим отношение к проведению Игр, «визы на въезд в

СССР будут выдаваться беспрепятственно» [18].

Ровно через 2 года, 12 сентября 1973 г., Политбюро ЦК КПСС одобрило еще один документ: проект письма Президиума Верховного Совета СССР в адрес МОК.

Являвшийся де-юре (но не де-факто) высшим советским государственным органом Верховный Совет СССР заявил о полной поддержке властей города Москвы, пригласивших к себе Олимпиаду-80, и пообещал оказать советской столице необходимые содействие и поддержку для успешного проведения Игр.

Этот обязательный компонент — своеобразная гарантия со стороны высшей государственной власти страны в поддержке олимпийской заявки своего города — носил в большинстве случаев формальный характер, а для Советского Союза был тем более чисто ритуальным действием. В стране, где любой сколько-нибудь значимый вопрос решался на Старой площади, а Верховный Совет СССР все свои решения принимал по указке ЦК КПСС и только единогласно, тотальный государственный контроль и руководство всем, что хоть как-то относилось к будущему олимпийскому проекту, было вполне естественным и обыденным явлением.

Письмо Президиума Верховного Совета СССР в МОК лишь констатировало тот факт, что СССР за прошедшие 2 года не изменил свою позицию и по-прежнему очень хочет провести Олимпиаду в Москве [2].

Впрочем, в этом итак мало кто сомневался. Начало 1970-х гг. ознаменовалось повышенной активностью советских политических и спортивных деятелей, направленной на создание благоприятного имиджа Москвы как будущей столицы Игр.

Параллельно шла «работа» с членами МОК, которые должны были осенью 1974 г. при принятии решения о столицах зимних и летних Олимпийских игр 1980 г. сделать «правильный» выбор. Для этого СССР надо было заполучить в свои сторонники как можно больше членов этой организации, представлявших западные и развивающиеся страны (члены МОК от социалистического лагеря априори рассматривались как стопроцентные союзники, даже несмотря на отдельные разногласия, то и дело возникавшие между ними). Надо было и «нейтрализовать» влияние наиболее «реакционных» деятелей

международного олимпийского движения. И то, и другое было вполне успешно осуществлено.

Одной из первых жертв советской пред-олимпийской кампании оказался Э.Брендэддж, с которым у СССР на протяжении почти 20-летнего советского членства в олимпийском движении сложились достаточно непростые отношения. В 1972 г. на 73-й сессии МОК, накануне Олимпийских игр в Мюнхене, его сменил на посту президента этой организации М.Килланин. Хотя последний был тоже из нелюбимых в Москве «титованных особ» (британским лордом), он был обязан СССР своим избранием, и это не могло не сыграть свою важную роль.

В Советском Союзе вообще, казалось, на-прочь забыли о еще недавно раздававшихся там требованиях демократизировать МОК, изгнать из него «оторвавшихся от реальной жизни западных аристократов» и т.п.

В первой половине 1970-х гг. Москву стали регулярно посещать многочисленные олимпийские «титованные особы». Лорда М.Килланина, президента Международной федерации конного спорта (ФЕИ) герцога Эдинбургского, правящего принца Лихтенштейна Франца Иозефа II и других не менее знатных олимпийских персон в СССР встречали на самом высоком уровне и со всеми подобающими почестями [19].

СССР оказался хорошим учеником – уроки, преподанные ему в 1970 г., не прошли даром.

Подготовка к сессии Исполкома МОК в Вене осенью 1974 г. велась советской стороной с учетом всех особенностей, связанных с таким непростым делом, как выбор столицы Олимпийских игр. Вопрос все время находился «на контроле» в ЦК КПСС; советские делегации без устали сновали по разным странам, вербуя сторонников; регулярно проводились консультации и переговоры с М.Килланином и другими руководителями МОК. К тому же, СССР не все приходилось начинать с нуля: практический опыт, полученный в предыдущей кампании, оказался очень кстати.

В Советском Союзе также очень внимательно относились к любому сигналу о возникавших препятствиях на пути кандидатуры Москвы, стараясь оперативно устранять их.

Всю критику, раздававшуюся в это время в адрес советской столицы, можно было условно

разделить на две части: политическую и экономическую.

К первой относились ставшие уже традиционными вопросы отсутствия политических прав и свобод в СССР, проблемы эмиграции из страны граждан еврейской национальности, отсутствие уверенности в свободном посещении СССР в период проведения Игр, отказ Москвы от спортивных контактов с рядом стран по политическим соображениям, и т.п. Многие также вспоминали о сепаратизме советской делегации в олимпийской деревне 1952 г., о поддержке угрозы «черного бойкота» Игр 1968 г., или о попытках СССР (особенно в первые месяцы после поражения Москвы в Амстердаме) подорвать влияние МОК, содействуя перемещению голосов в пользу национальных олимпийских комитетов [4].

Вторая причина – экономическая. Самая большая опасность подстерегала Московскую Олимпиаду там, где ее меньше всего можно было ожидать. В декабре 1975 г. (то есть спустя 14 месяцев после того, как весь мир узнал о триумфальной победе Москвы в гонке олимпийских городов-претендентов) главный сторонник проведения этих Игр Л.И.Брежнев написал секретарю ЦК КПСС К.У.Черненко небольшую записку, содержание которой, стань она известна тогда широкой общественности, повергло бы в шок всех любителей спорта.

«Прошу до Политбюро зайти к т. Сулову и от моего имени передать следующее. Как-то сложилось таким образом, что нами принято решение провести спортолимпиаду в СССР. Стоит это мероприятие колоссальных денег. Возможно, этот вопрос нам следует пересмотреть и отказаться от проведения олимпиады. Знаю, что это вызовет много кривотолков, но при решении этого вопроса, наверное, надо исходить из того, что на первый план выдвигаются вопросы о стоимости этого мероприятия. Некоторые товарищи подсказали мне, что есть возможность отказаться от этого мероприятия, уплатив какой-то небольшой взнос в виде штрафа. По этому вопросу я тоже хотел бы знать твое мнение. Кроме колоссальных расходов, в этом деле есть и такой вопрос, что из опыта проведения подобных Олимпиад в прошлом могут быть разного рода скандалы, которые могут очернить Советский Союз. Следует вспомнить при этом ФРГ

и другие места. А в отношении Советского Союза думаю, что наши враги особенно постараются в этом. Если на этот счет у тебя тоже есть сомнения, может быть, сегодня в порядке обмена мнениями затронуть этот вопрос на Политбюро» [6].

Остается только предполагать, кто именно подсказал генеральному секретарю о «возможности отказа от этого мероприятия».

То, что практически все Игры, вплоть до первой полукоммерческой Олимпиады 1984 г. в Лос-Анджелесе, были убыточными для их организаторов с экономической точки зрения, ни для кого не являлось секретом. О политических скандалах, неизменно сопровождавших летние Игры, все были также хорошо осведомлены. Конечно, террористический акт на Олимпиаде 1972 г. в Мюнхене, когда в результате неудачной попытки западногерманских спецслужб освободить захваченных заложников погибли израильские спортсмены, был исключительным случаем. Но и без этого прискорбного события Олимпийские игры регулярно становились центром не только спортивных, но и политических противоборств.

Поэтому опасение Л.И.Брежнева, что первая Олимпиада на советской земле в условиях хоть и слегка смягчившихся, но по-прежнему достаточно напряженных отношений периода «холодной войны», будет максимально использована врагами социалистического лагеря, было вполне закономерным. Но обо всем этом советские руководители хорошо знали задолго до этого и неоднократно взвешивали все плюсы и минусы, которые может принести проведение Олимпийских игр в Москве.

Очевидно, что главной причиной, побудившей генсека выступить со столь неожиданной инициативой, был нараставший кризис советской экономики.

В 1975 г. Л.И.Брежнев был еще вполне адекватным политическим лидером, который не мог не понимать, что олимпийские затраты станут очень тяжелым дополнительным бременем для переживающей не лучшие времена советской экономической системы. Неслучайно эта инициатива появилась в момент, когда генеральный секретарь работал над отчетным докладом к предстоящему XXV съезду КПСС, и в его распоряжении находились все данные, отражаю-

щие динамику и перспективы развития страны в ближайшие годы.

Записку Л.И.Брежнева К.У.Черненко передал не только М.А.Суслову, но и еще одному члену Политбюро ЦК КПСС А.П.Кириленко, – однако этот вопрос так и не стал предметом официального обсуждения высшим советским руководством.

Сам же Брежнев готовился на даче в Завидово к главному партийному форуму советских коммунистов и на заседаниях Политбюро во второй половине декабря 1975 г. отсутствовал.

Позднее ни он, ни другие советские лидеры к этому вопросу не возвращались.

По итогам XXV съезда КПСС проведение Олимпийских игр 1980 г. было прописано отдельной строкой в обязательных для того времени «Директивах развития народного хозяйства СССР» на очередную, десятую пятилетку (1976—1980), и маховик преолимпийской подготовки стал с каждым месяцем набирать все новые и новые обороты.

Литература:

1. В действительности проект постановления по данному вопросу рассматривался на Секретариате ЦК КПСС еще раньше, 6 июля 1971 г., и уже тогда, несмотря на высказанные предложения доработать документ, был в целом одобрен высшим советским руководством (см.: РГАНИ. Ф. 4. Оп. 22. Д. 774. Л. 116—117).

2. В частности, в мае и июне 1970 г. подобные публикации появлялись в «Литературной газете», «Советском спорте» и некоторых других средствах массовой информации СССР.

3. Олимпийское движение (посвящается 30-летию проведения Летних Игр XXII Олимпиады в Москве в 1980 году и проведению XXII Зимних Игр в Сочи в 2014 году). МУК «ТБК г. Тольятти» (Муниципальное учреждение культуры «Тольяттинская библиотечная корпорация») Библиографический отдел. Библиографический дайджест. С.3.

4. Попов В.В. Исторические уроки информационного обеспечения Московских Олимпийских игр в 1980 г. / Олимпийское движение в Советском Союзе глазами современных историков. Выпуск первый. М., ВУ 2016. С. 53-58.

5. Попов В.В. Опыт профилактики правонарушений и терактов в период подготовки и про-

ведения XXII Московских Олимпийских игр. / Олимпийское движение в Советском Союзе глазами современных историков. Выпуск третий. М., ВУ 2016. С. 98-143..

6. Пять колец под кремлевскими звездами. Документальная хроника Олимпиады–80 в Москве. М., 2011. С.36–832.

7. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 29. Л. 120.

8. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 322. Л. 71.

9. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 47. Д. 322. Л. 71.

10. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 353. Л. 113.

11. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 353.. Л. 111.

12. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 228. Л. 147.

13. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 228. Л. 147.

14. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 228. Л. 148, 152-153.

15. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 228. Л. 154.

16. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 972. Л. 33.

17. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Л. 30.

18. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 20. Д. 699. Л. 193.

19. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 470. Л. 42. – 43. Ф. 5. Оп. 67. Д. 130. Л. 5-6.

20. Советский спорт. 1959 г. 17 мая.

ORGANIZATION OF OLYMPIC GAMES IN THE USSR: THROUGH THE TERNIA OF DOUBT TO HISTORICAL SOLUTIONS

[ORGANIZATSIYA OLIMPIYSKIKH IGR V SSSR: CHEREZ TERNII SOMNENIY K ISTORICHESKIM RESHENIYAM]

Vladimir POPOV

Doctor of historical sciences, Professor of Department of history of the Military University; 125047, Bolshaya Sadovaya, 14; e-mail: vpopov54@mail.ru.

KEYWORDS:

The Olympics, the Sports Committee of the USSR, the International Olympic Committee, the symbol of the Olympic movement, the prospect of the Olympics, the national Olympic committees, the organizing country of the Olympic games.

ABSTRACT:

The article deals with the Genesis of the USSR Sports Committee in its struggle for the right to host the Olympic games in the country, as well as for obtaining positive decisions from the state and party bodies to hold these major international sports events.

REFERENCES:

V. Popov. Historical lessons in the information support of the Moscow Olympic Games in 1980. The Olympic movement in the Soviet Union through the eyes of modern historians. Issue first. [Istoricheskiye uroki informatsionnogo obespecheniya Moskovskikh Olimpiyskikh igr v 1980 g. Olimpiyskoye dvizheniye v Sovetskom Soyuze glazami sovremennykh istorikov. Vypusk pervy.] - Moscow, Military University, 2016. Pp. 53-58.

Popov V. Experience in the prevention of offenses and terrorist acts during the preparation and conduct of the XXII Moscow Olympic Games. The Olympic movement in the Soviet Union through the eyes of modern historians. Issue three. [Opyt profilaktiki pravonarusheniy i teraktov v period podgotovki i provedeniya XXII Moskovskikh Olimpiyskikh igr. Olimpiyskoye dvizheniye v Sovetskom Soyuze glazami sovremennykh istorikov. Vypusk tretiy.] - Moscow, Military University, 2016. Ss.98-143.

Five rings under the Kremlin stars. Documentary chronicle of the Olympics 80 in Moscow. [Pyat kolets pod kremlevskimi zvezdami. Dokumentalnaya khronika Olimpiady-80 v Moskve.] - Moscow, 2011. C.36-832.

Russian State Archive of Recent History: F. 4. Op. 22. D. 774. L. 116-117; F. 4. Op. 16. D. 29. L. 120; F. 5. Op. 47. D. 322. L. 71; F. 5. Op. 47. D. 322. L. 71; F. 4. Op. 18. D. 353. L. 113; F. 4. Op. 18. D. 353. L. 111; F. 5. Op. 33. D. 228. L. 147; F. 5. Op. 33. D. 228. L. 147; F. 5. Op. 33. D. 228. L. 148, 152-153; F. 5. Op. 33. D. 228. L. 154; F. 4. Op. 20. D. 972. L. 33; F. 4. Op. 20. L. 30; F. 4. Op. 20. D. 699. L. 193; F. 3. Op. 72. D. 470. L. 42-43; F. 5. Op. 67. D. 130. L. 5-6.

Soviet sport. [Sovetskiy sport.] 1959, May 17th.